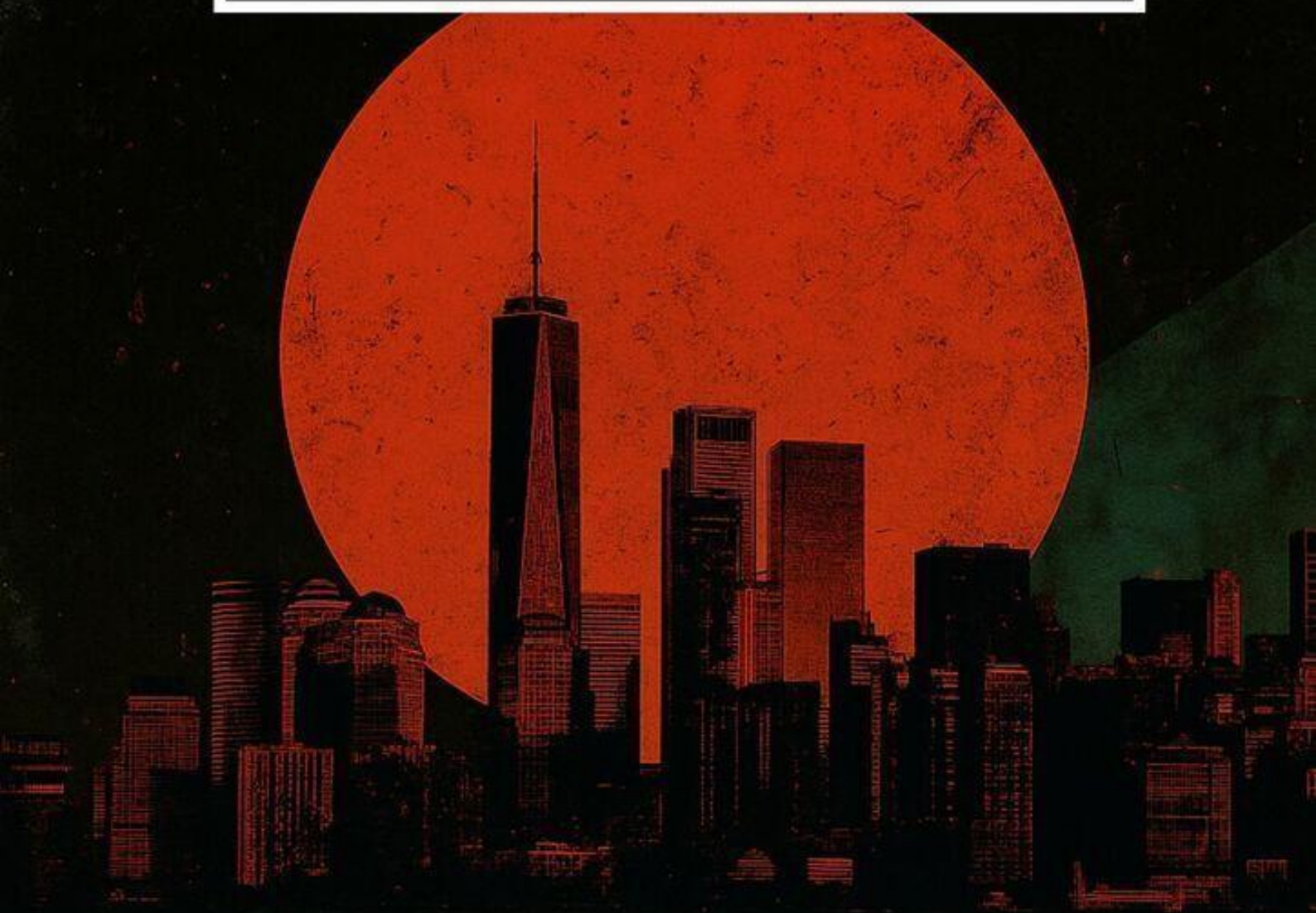

18+

ЮРИЙ АНТОНОВИЧ СЛЮСАРЕВ

Короткометражка

«ТО ЛИ ВЫМЫСЕЛ, ТО ЛИ
РЕАЛЬНОСТЬ — БЕЗНАДЁЖНО
ПЫТАЮСЬ ПОНЯТЬ Я»

Юрий Слюсарев

**Короткометражка. «То ли
вымысел, то ли реальность —
безнадёжно пытаюсь понять я»**

«Издательские решения»

Слюсарев Ю. А.

Короткометражка. «То ли вымысел, то ли реальность —
безнадёжно пытаюсь понять я» / Ю. А. Слюсарев —
«Издательские решения»,

«Короткометражка» — это психологически плотный, хирургически
точный философский роман о кастовой слепоте, алчности и изнанке
мнимого официоза. Сможет ли Дмитрий переписать алгоритмы Проектора
изнутри, или жестокая подошва Монополии обнулит его баланс в подвалах
Сектора «Б», доказав, что финал у всех короткометражек один?

Содержание

Глава 1. Контролируемый остаток	6
Глава 2. Маршруты деградации	10
Глава 3. Санитария бытия	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Короткометражка
«То ли вымысел, то ли реальность
— безнадёжно пытаюсь понять я»

Юрий Антонович Слюсарев

© Юрий Антонович Слюсарев, 2026

ISBN 978-5-0070-2735-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Контролируемый остаток

Будильник на старом смартфоне Дмитрия не звенел — он вибрировал на деревянной тумбочке, издавая глухой, дребезжащий звук, который, казалось, сверлил саму панельную стену. Этот звук уже несколько лет был главным триггером его утренней тошноты. Дмитрий открыл глаза и уставился в потолок обычной двухкомнатной хрущевки на окраине города. Обои в углу давно отошли от сырости, обнажая серый, пористый бетон. В панельных девятиэтажках, построенных еще в прошлом веке, вентиляция давно забилась, а коммунальные службы лишь разводили руками, регулярно повышая в квитанциях тарифы за «содержание и ремонт общего имущества».

Дмитрий лежал неподвижно, слушая, как за стеной надрывно кашляет сосед, а на кухне монотонно, кап за каплей, бьет о старую раковину неисправный кран. Каждый вдох давался с трудом — воздух в квартире был тяжелым, застойным. Это было то самое экзистенциальное ощущение, когда ты еще толком не проснулся, но уже чувствуешь себя раздавленным. Ты просто вернулся в сознание, а Система уже включила счетчик.

На экране телефона высветилось уведомление от мобильного банка:

«Списание по тарифу: коммунальные услуги (отопление и водоотведение) — 4 200 рублей. Баланс: контролируемый».

Банки Монополии давно перестали писать точные остатки сумм, если они приближались к критическому минимуму. Формулировка «контролируемый баланс» была вежливой удавкой. Она означала, что денег на карте ровно столько, чтобы ты мог купить пачку сигарет, дешевый батон и оплатить проезд до работы. Шаг влево, шаг вправо — и твоя карта заблокируется, а ведомство ЖКХ пришлет уведомление об отключении света. Это держало в постоянном, изнуряющем тонусе. Человек, занятый мыслью о том, как дотянуть до полочки, физически не способен думать о свободе или справедливости. Его горизонт планирования сужен до размеров вечернего чека в супермаркете. Механика слепоты делает свое дело, превращая Общество в кочующий, атомизированный субстрат, который не пускает корни, не строит долгосрочных планов и не оставляет после себя ничего, кроме чистой маржи на клиринговых счетах системы.

Через полчаса Дмитрий вышел во двор. Под ногами хлюпала грязная жижа — асфальт во дворе не меняли с его детства, он весь шел трещинами и глубокими выбоинами, в которых скапливалась дождевая вода со следами бензина. Вокруг возвышались такие же серые, облупившиеся девятиэтажки с разномастными застекленными балконами.

Его машина, старый подержанный седан, стояла у забора, к которой направлялся Дмитрий. Он повернул ключ в замке зажигания. Двигатель отозвался тяжелым, неровным металлическим стуком, по кузову прошла крупная дрожь, и на приборной панели уныло загорелся желтый значок «Check Engine». Бортовой компьютер выдал короткую строку:

«Ресурс катализатора исчерпан. Требуется диагностика в техническом центре по обслуживанию авто. Без диагностики в специализированном центре, система машины будет заблокирована»

Дмитрий уронил голову на руль. Позади, в челюсти, монотонно и нудно занял коренной зуб. Стоматология давно стала роскошью. Государственные поликлиники, где его мать когда-то честно работала операционной медсестрой, теперь превратились в конвейеры по удалению зубов — лечить по полису было «нерентабельно». А частный кабинет требовал таких денег, которых у Дмитрия не предвиделось до конца года.

Теперь, глядя на этот мигающий желтый значок, он в очередной раз, с холодной ясностью понял, как устроена эта жизнь. Катализатор в его машине не сломался сам по себе. Срок его службы на наших дорогах был просчитан с хирургической точностью. Износ узла идеально совпал по времени с необходимостью продлевать аккредитацию — ту самую государственную пошлину, которую Дмитрий, как владелец авто, обязан был платить каждые три года, чтобы просто иметь право передвигаться от дома до работы.

Мир не уничтожал человека открыто. Он просто создавал непрерывный, искусственный дефицит его возможностей. Машина, которая казалась единственным личным пространством, где можно было побыть в тишине и не толкаться в забитых маршрутках, превратилась в очередную статью долга. Чтобы оплатить ремонт в техническом центре, закрыть квитанции ЖКХ и выкупить у ведомства свою аккредитацию на работу, Дмитрию придется взять дополнительно три ночные смены. Капкан захлопнулся без единого выстрела — вежливо, через строчку на приборной панели.

Супермаркет, в котором Дмитрий работал директором, принадлежал Крупнейшей Продуктовой Монополии и находился на пересечении двух оживленных улиц спального района. Это было типовое одноэтажное здание из дешевых сэндвич-панелей, обшитое пластиком, который от времени пожелтел и покрылся слоем городской копоти.

Дмитрий вошел через рампу, где грузчики в грязных серых робах лениво перетаскивали деревянные поддоны с коробками. Под потолком, прямо над входом, висела обычная купольная камера видеонаблюдения. Она беззвучно поворачивалась из стороны в сторону. Обычная корейская оптика, но Дмитрий знал, что через нее служба безопасности Монополии отслеживает каждый его шаг: во сколько пришел, сколько раз вышел покурить, с каким лицом сидит за столом.

В его маленьком кабинете, где едва помещались стол из ДСП и старый сейф, пахло мышами и дешевым чистящим средством для полов. На столе уже лежала утренняя распечатка новых накладных из центрального офиса. Дмитрий сел, не снимая куртки, и стал сверять цифры.

Хлеб «Ржаной» — розничная цена увеличена на сорок процентов. Молоко пастеризованное — наценка шестьдесят процентов. Масло подсолнечное — наценка сорок пять процентов. Внизу стояла стандартная формулировка: «В связи с изменением внутренних издержек и транспортных тарифов».

Дмитрий откинулся на ободранный кожаменитель кресла. Он отлично знал, что никакие издержки не менялись. Бензин на заправках стоил столько же, сколько неделю назад, железная дорога работала по старым графикам, а совхозы сдавали продукцию на оптовые склады за сущие копейки. Никакого объективного кризиса не было.

Где-то там, бесконечно далеко, на Лазурном берегу, в кондиционированных белоснежных офисах среди пальм и дорогого алкоголя, сидели люди, которые спроектировали эту систему. Они никогда не видели этих серых панельных девятиэтажек, не знали запаха пере-

полненных автобусов и не считали копейки у кассы. Они просто вбивали цифры в таблицы, повышая доходность акций Монополии. И эта серая, унылая жизнь спальных районов проходила мимо них, оставаясь лишь статистическими графиками на мониторах.

Обман был гениален своей безликостью. Покупатель, приходя в магазин и видя новые ценники, не злился на конкретного «Проектировщика на Лазурном берегу». Обыватель винил во всем абстрактную «инфляцию», «плохой год» или «мировой кризис». Люди принимали наценки как плохую погоду, как неизбежное зло, с которым ничего нельзя сделать. Когда человек сталкивается с усложнением среды и молчит из стеснения или ложного официоза, проектор считает это как маркер избыточного тона. Если субстрат молчит, значит, его биологический порог выживания еще не достигнут, и давление можно увеличивать.

Дмитрий подошел к окну кабинета, которое выходило прямо в торговый зал. За стеклом уже собиралась утренняя очередь. Изможденные, хмурые люди в поношенных куртках стояли с пластиковыми корзинами. Дмитрий смотрел на них, и внутри него шевелилось тяжелое, циничное раздражение. Ведь эти люди всё понимали. Многие из них имели высшее образование, работали инженерами, учителями, бухгалтерами. Они умели считать. Но они сознательно выбирали молчание. Они покорно шли к кассам и отдавали последнее. Для Монополии этот рудимент на вес золота. Молчание субъекта позволяет переписывать баланс закрытия без затрат на подавление.

Дмитрий ловил себя на страшной мысли: им нравилось это ежедневное, методичное угнетение. Статус жертвы избавлял их от необходимости что-то менять. Куда проще прийти вечером в свою тесную квартиру, выпить водки, как всю жизнь делал его покойный отец, и жаловаться на кухне на «тяжелую долю» и несправедливость, чувствуя себя при этом тайным праведником, которого просто сломала система. Отец Дмитрия тоже всю жизнь пил, не имел никаких навыков, но стоило ему выпить — и он начинал вести себя как инфантильный, обиженный ребенок, строя из себя важного человека, которым никогда не был. И эти люди в зале были точно такими же. Они добровольно подставляли шею под Жестокую Подошву исполнительной власти, потому что так было проще. Пока тебя унижают — ты ни в чем не виноват.

Над витриной с колбасой вспыхнул большой плазменный телевизор — Монополия крутила рекламный блок. На экране сменялись кадры невероятной, глянцевої красоты: сочные томаты, падающие в чистую воду, куски парного мяса на гриле, счастливые семьи в просторных светлых домах. Диктор уверенным, бархатным голосом рассказывал о «национальном суверенитете, заботе о каждом гражданине и стабильном росте качества жизни».

Это был чистый симулякр. На полках магазина лежали только серые белковые брикеты, замороженная некондиция и соевая колбаса. Но люди в очереди завороченно смотрели на этот экран. Их души, высушенные уродством спального района, требовали этой яркой обертки. Они шли в супермаркет не просто за едой — они шли за иллюзией нормальной жизни. Они были готовы переплачивать огромные наценки просто за то, чтобы постоять в чистом, светлом зале, где пахло дорогим ароматизатором, и посмотреть на эту красивую картинку. Они знали, что их обманывают, но закрывали на это глаза, потому что признать правду было слишком страшно. Они платили Монополии за право оставаться ослепленными.

В этот момент у кассы №3 возник шум. Пожилой мужчина в старом засаленном пальто пытался расплатиться картой. Терминал раз за разом выдавал на экране короткую надпись: «Отказ. Недостаточно средств». Старик растерянно улыбался и что-то тихо говорил кассиру — молодой девчонке, которая смотрела мимо него пустыми, уставшими глазами. Старик прижимал к себе буханку самого дешевого черного хлеба.

На мониторе компьютера Дмитрия, прямо поверх накладных, выскочило стандартное уведомление ведомственной программы:

«Зафиксирован сбой оплаты на кассе №3. Доступна функция директорского списания за счет фонда усушки и порчи товара. Дмитрий Юрьевич, вы уверены в выборе своего действия? Подтверждение операции повлечет за собой снижение вашего персонального коэффициента лояльности за текущий месяц.»

Система не запрещала ему помочь. Она не кричала на него. Она просто вежливо предупреждала, что за эту буханку хлеба Дмитрий заплатит сам — своими баллами, из которых складывалась его зарплата, необходимая для ремонта машины и житейского бытия.

Дмитрий вспомнил мать. Она тридцать лет отработала медсестрой в городской больнице. Она искренне пыталась помогать людям, оставалась после смен, подкармливая одиноких стариков в палатах. И медицина, ставшая частью Монополии, выплюнула её. Её лишили премий, завалили выговорами за «нарушение временных регламентов приема пациентов» и в конце концов вынудили уйти на грошовую пенсию. Система не терпела искренней помощи — ей было выгодно, чтобы люди болели хронически, покупая дорогие таблетки, которые не лечат до конца, а лишь снимают симптомы, заставляя возвращаться в аптеку снова и снова. Здоровый человек не приносит прибыли. В системной логике Монополии, чистая, бескорыстная благотворительность — это опасная аномалия, которая может вернуть субстрату веру в человечность и субъектность. Поэтому, проекторы разработали и внедрили технологию институциональной псевдо-гуманности. «Мнимая помощь» — это высшая форма макроэкономического цинизма, когда система протягивает руку помощи только для того, чтобы глубже загнать его в петлю зависимости, заставив при этом искренне благодарить жестокую подошву монополии.

Рука Дмитрия замерла над клавиатурой. Он мог нажать кнопку и списать этот чертов хлеб.

Но к кассе уже не торопясь подошли двое парней в серой форме ведомственной охраны. Обычные патрульные, мелкая исполнительная власть. Вчерашние деревенские парни или бездельники из соседних панелек, у которых не хватило ума сдать даже базовые тесты на аккредитацию. Им дали форму, дубинки и мнимую силу. Теперь они с наслаждением кошмарили местных алкашей, проверяли сумки у студентов и вели себя по-хозяйски просто потому, что могли. Они компенсировали свою внутреннюю ничтожность властью над теми, кто был беззащитен.

Один из охранников брезгливо взял старика за рукав пальто и потянул к выходу. Старик не стал спорить. Он покорно опустил голову и побрел к стеклянным дверям, оставляя хлеб на ленте.

Дмитрий медленно убрал пальцы от клавиатуры. В горле пересохло. Он выбрал себя. Выбрал свой седан с неисправным катализатором, свою двухкомнатную хрущевку и свое право сидеть в этом кабинете. Он нажал клавишу отмены, закрыл уведомление программы и открыл файл с наценками на детское питание, ставя внизу свою цифровую подпись.

Камера видеонаблюдения под потолком сделала медленный оборот и замерла, наставив свой черный объектив прямо на его окно.

Глава 2. Маршруты деградации

В среду машина всё-таки не завелась. Дмитрий дважды поворачивал ключ в замке, но стартер лишь тяжело, натужно мычал, прокручивая застывшее масло, а затем приборная панель окончательно погасла, оставив его в темноте холодного салона. На лобовом стекле, покрытом изнутри тонкой ледяной коркой, отражался тусклый свет уличного фонаря. Часы на приборной панели показывали без двадцати семь утра.

Дмитрий выругался, вытащил ключ и несколько секунд сидел, сжимая кулаки. Ему нужно было успеть на базу к восьми, чтобы подписать акты приема-передачи бакалейного ряда. Если он опоздает, система автоматически зафиксирует нарушение регламента, и в конце месяца коммерческий отдел спишет с его счета три тысячи рублей за «простой логистического окна».

Терять заработанные деньги было не позволительно. Ему пришлось идти на остановку.

Январский воздух спального района был пропитан едким, приторным дымом из труб ТЭЦ и выхлопными газами сотен таких же замерзших автомобилей. Дмитрий шел по разбитому тротуару, пряча лицо в воротник старой куртки. На остановке, под козырьком из ржавого профнастила, уже скопилась плотная, хмурая толпа. Люди стояли молча, переминаясь с ноги на ногу на обледенелом асфальте. В их фигурах, укутанных в одинаковые темные пуховики, не было ни капли живой энергии. Это были безликие единицы учета Монополии, утренний рабочий ресурс, который Система перебрасывала из спальных кварталов в промышленные зоны.

Автобуса долго не было. Транспортный филиал Монополии уже год как перешел на «оптимизированное расписание», составленное автоматическими алгоритмами. Алгоритм не учитывал реальную погоду или человеческий фактор; он считал только экономию топлива и амортизацию техники. Автобус приходил тогда, когда ему было выгодно. Захочет — приедет через пять минут, захочет — через сорок. Люди знали это, но покорно ждали, не пытаясь жаловаться. Жэки и транспортные ведомства давно объединились в единую цифровую сеть, и любая официальная жалоба автоматически маркировалась как «необоснованное проявление социальной неудовлетворенности», после чего у жалобщика мог внезапно снизиться рейтинг в реестре занятости.

Когда к остановке, тяжело скрипя тормозами, наконец подполз старый длинный «ЛиАЗ», толпа качнулась вперед.

Дмитрий оказался втянут в этот живой, злой водоворот. Люди лезли на подножку, толкая друг друга локтями, наступая на обувь, дыша в затылок тяжелым перегаром и дешевым табачным дымом. Внутри автобуса было темно и душно. Салон забился мгновенно, до самого лобового стекла. Дмитрий стоял, зажатый между массивным мужчиной в спецовке и бледной девушкой, которая судорожно держалась за поручень.

Стоимость проезда была грабительской — пятьдесят пять рублей за одну зону, но этот тариф никак не соотносился с комфортом пути. По старой обшивке салона бежали струйки грязной талой воды, печка не работала, а на окнах лежал толстый слой серого инея.

Дмитрий висел на поручне, чувствуя, как его локоть упирается в чьи-то ребра. Вокруг него дышала, потела и глухо ругалась оголтелая, доведенная до скотского состояния толпа. Люди ненавидели друг друга в этот момент. Дмитрий видел эту ярость в каждом взгляде, в каждом случайном толчке. Вчера эти же люди, возможно, сидели перед телевизорами и кивали, когда диктор рассказывал о «национальном единстве и мире», но здесь, в этой душной жестяной коробке, они готовы были перегрызть друг другу глотки за лишние десять сантиметров пространства. Система учила их этой ненависти с пеленок. Друг для них не был соратником — он был конкурентом за место в автобусе, за дешевый батон на полке, за рабочую вакан-

сию. Любая дружба в этих кварталах заводилась только ради выгоды: списать долг, устроиться по знакомству, получить скидочный купон. Как только выгода исчезала, дружба рассыпалась, оставляя лишь глухое раздражение.

Дмитрий поднял голову. Под потолком автобуса, прямо над накопительной площадкой, тускло горел красный огонек салонной камеры видеонаблюдения.

Он смотрел на этот объектив и чувствовал, как Тошнота подступает к самому горлу. Проектировщик сделал этот ад намеренно. Это не было ошибкой управления или нехваткой бюджета. Система умышленно уничтожала личный транспорт, обкладывая его неподъемными экологическими налогами, и загоняла людей в эти скотовозки.

Потому что личное пространство — это самая опасная вещь для Монополии. Когда человек едет в собственной машине, пусть даже со сломанным катализатором, он находится в тишине. Он заперт в своем маленьком мире. Вокруг него нет злой толпы, его никто не толкает, ему не нужно бороться за выживание каждую секунду. И в этой тишине человек неизбежно начинает рефлексировать. Он начинает смотреть по сторонам, сопоставлять факты, задавать вопросы самому себе. У него появляется ментальная энергия, чтобы думать о том, как уродлив мир вокруг, и почему его жизнь превратилась в суррогат.

Системе это было противопоказано. Раб не должен думать. Он должен быть либо измотан тяжелым физическим трудом, либо полностью раздавлен и унижен поездкой в общественном транспорте. Человек, который только что сорок минут боролся за глоток воздуха в забитом автобусе, выходит на своей остановке ментально кастрированным. Его воля подавлена, его нервная система истощена стрессом. Всё, о чем он может мечтать — это доползти до рабочего места, отсидеть смену и не привлечь внимания контролеров. Комфорт расслабляет, а раб должен функционировать без остановки, на пределе биологического износа.

Дмитрий вышел на своей остановке у распределительного центра, когда ноги уже едва слушались от постоянного напряжения. Он поправил воротник и пошел к служебному входу супермаркета. Навстречу ему, у дверей для покупателей, двигался поток людей. Почти каждый из них держал перед лицом экран смартфона.

Дмитрий замедлил шаг, наблюдая за ними. Мужчины, женщины, подростки — все они шли с опущенными головами, их зрачки были прикованы к мерцающим дисплеям. Они представляли ноги механически, едва не врезаясь в столбы и друг в друга. Сами того не осознавая, они сидели на тяжелой, дофаминовой игле, которую Проектировщик сконструировал с гениальной жестокостью.

Это была цифровая лоботомия. Система поняла, что держать миллионы людей в узде только с помощью страха и мелких людей в погонах — слишком накладно. Гораздо эффективнее было «облегчить» им жизнь. Монополия создала среду, где человеку больше не нужно было напрягать мозг. Умные Т9-подсказки в телефонах дописывали за них мысли, навигаторы вели по улицам, лишая необходимости ориентироваться в пространстве, а алгоритмы мессенджеров подсовывали бесконечную ленту коротких, бессмысленных видео.

Люди тупели с каждым днем, и Дмитрий видел этот процесс деградации по отчетам продаж: бумажные книги не покупали вообще, зато спрос на дешевые кликабельные гаджеты и подписки рос лавинообразно. Проектировщик убрал из их жизни необходимость думать. Зачем рефлексировать о нищете своей панельной хрущевки, зачем анализировать, куда уходят деньги за коммунальные услуги, если можно прямо в маршрутке открыть телефон и провалиться в бесконечный поток пятнадцатисекундных роликов? Яркая картинка, громкий звук, короткая вспышка дофамина в мозге — и страх перед реальностью притупляется. Мессенджеры стали ментальным анальгетиком для бедных. Человек, чей мозг занят ежесекундным

вылавливанием глупых шуток и чужих коротких жизней в экране, физически не способен выстроить сложную логическую цепочку и осознать, что его просто используют как биологический фильтр для перекачки денег на Лазурный берег.

Дмитрий открыл дверь своего кабинета и включил рабочий компьютер. Внутренний корпоративный портал Монополии встретил его списком рекомендованных медиа-материалов для трансляции на торговых мониторах. Все они состояли из блогов популярных сетевых авторов.

Институт блогерства в их мире был такой же казенной фабрикой, как и завод по производству белковой пасты. Порог входа в эту индустрию охранялся Всевидящим Оком с особой тщательностью. Дмитрий, имея доступ к закрытым ведомственным циркулярам, знал изнутри, как работает эта селекция. Стать популярным, получить миллионные охваты и выйти на монетизацию мог только тот, кто прошел негласное согласование.

Алгоритмы Монополии продвигали наверх исключительно тех авторов, которые несли в массы «позволяющую мораль». Это были профессиональные медиа-пастухи. Они транслировали образ идеального, послушного потребителя: хвастались брендовыми куртками из синтетического вторсырья, купленными в кредит, показывали свои отремонтированные в долг квартиры и рассуждали о том, как важно «быть позитивным и эффективным». Они создавали ложные ориентиры для миллионов нищих из блоков «Ц». Блогер со своего экрана внушал голодному рабочему: «Смотри, я смог, и ты сможешь, просто работай больше, не думай о плохом и покупай продукцию Монополии». Если же в сети появлялся кто-то умный, кто пытался вскрыть механику обмана, показать истинную цену наценок или заговорить о Тошноте — алгоритм Всевидящего Ока душил его канал в зародыше. Просмотры падали до нуля, аккаунт блокировался за «нарушение правил сообщества», и человек исчезал из медиа-пространства так же тихо, как старик, которого охрана выставила за дверь из-за неоплаченного хлеба.

Дмитрий сел за стол и устало потер воспаленные от недосыпа глаза. Мир вокруг него был упакован в плотную, герметичную ложь. Юристы Монополии переписывали договоры, снимая с компании ответственность за гнилые продукты; яркие витрины заманивали голодных людей картинками несуществующей природы; душные автобусы кастрировали волю к сопротивлению, а телефоны в карманах добивали остатки разума дешевым гормональным шумом.

Он посмотрел на свои руки. На пальце остался серый след от дешевой копировальной бумаги. Он тоже был частью этого конвейера. Он молча делал свое дело, подписывал накладные, и именно поэтому Система пока что его не трогала. Он был удобной, послушной шестеренкой, которая исправно крутилась в своей коробке, пока где-то там, на теплых лазурных пляжах, чужие люди пили дорогое вино, оплаченное утренней давкой в ЛиАЗе №14.

Глава 3. Санитария бытия

Февраль принес с собой тяжелые, низкие облака, которые неделями висели над спальным районом, словно грязная вата. В девятиэтажках на окраине окончательно похолодало. Дмитрий сидел на кухне своей двухкомнатной квартиры, завернувшись в шерстяной пододеяльник, и смотрел на экран старого пузатого телевизора, который остался здесь еще со времен его студенчества.

По первому казенному каналу шел дневной выпуск новостей. На экране сменялись кадры безупречного, стерильного порядка: чистые улицы какого-то центрального проспекта, по которому шагали сытые, улыбающиеся студенты, открытие нового ведомственного санатория и парадные графики. Диктор с идеально уложенными волосами и натренированной, стальной улыбкой чеканил слова о «незыблемом суверенитете, защите национальных интересов и вынужденных оборонных операциях на дальних рубежах». Голос за кадром уверял, что всё идет строго по утвержденному Проектировщиком плану, а временные трудности — лишь закаляют характер истинного гражданина.

Дмитрий перевел взгляд на окно. За мутным, невымытым стеклом, покрытым изнутри налетом копоти от газовой плиты, открывалась совершенно другая картина. С серого неба падал мокрый, перемешанный с сажей снег, моментально превращая разбитый двор в грязное месиво. У заржавевших мусорных баков стояли трое мужчин в заношенных куртках, о чем-то хмуро споря. Чуть дальше, на автобусной остановке, люди по колено в жиже штурмовали очередную забитую маршрутку. Это была дихотомия, которую Монополия возвела в ранг абсолюта. Телевизор нужен был не для того, чтобы скрыть грязь за окном — Система не была настолько глупа. Экран существовал для того, чтобы расколоть человеческую психику. Он внушал рабу: «Мир вокруг суверенен и прекрасен. И если лично ты живешь в нищете и не можешь починить машину — это твоя индивидуальная вина, твоя лень и твоя неспособность соответствовать высоким стандартам». Человек начинал ненавидеть себя, а не тех, кто устанавливал тарифы. Субъект не видит, что другие справляются исключительно за счет колоссального, разрушительного расхода внутренних ресурсов. Он не знает, сколько кредитных транзакций, панических атак, токсичных суррогатов и страха перед обнулением баланса скрыто за этой внешней стабильностью. Окружающие не справляются — они просто быстрее и глубже капитулировали перед Монополией. Они снизили планку своих потребностей до чисто биологического выживания. Человек с более высоким интеллектом или эрудицией не может адаптироваться так же легко. Его внутренний радар сопротивляется нормализации безумия. И именно из-за этого сопротивления ему кажется, что он идет на дно, в то время, как остальные плывут. На самом деле они уже утонули и просто плавно двигаются по течению системы.

Дмитрий выключил телевизор. В наступившей тишине отчетливо послышался глухой, монотонный кашель из коридора.

Мать спала в маленькой комнате. Последние три недели её здоровье стремительно ухудшалось — старая легочная патология, заработанная за тридцать лет дежурств в неотапливаемых подвалах городской больницы, обострилась из-за февральской сырости.

Дмитрий встал, подошел к комоду и открыл ящик, где лежали медицинские выписки. Рядом с ними аккуратным столбиком были сложены квитанции из ведомственной аптеки. Медицина, зажатая в тиски коммерческих регламентов Монополии, давно превратилась в безупречный фармацевтический конвейер. Когда мать еще работала операционной сестрой, она пыталась лечить людей по-настоящему — выбивала для стариков дефицитные антибиотики, оставалась ухаживать за тяжелыми пациентами после смены. За это её и выдавили из системы. Настоящее излечение было экономически убыточным для корпоративных аптек.

Идеальный пациент Монополии должен был находиться в состоянии перманентной, контролируемой болезни. Все современные препараты, на которые Дмитрий тратил треть своего директорского оклада, были спроектированы с иезуитским цинизмом. Они не уничтожали причину недуга. Они лишь временно купировали острый симптом, притупляли боль, но параллельно давали тяжелые побочные эффекты на почки и печень. Человек становился хроническим покупателем. Излечить его до конца значило потерять постоянный источник дохода. Мать всё это понимала, она смотрела на сиропы и таблетки с тихим ужасом бывалого медика, но без них она просто не могла дышать. Система держала её на коротком биологическом поводке.

Дмитрий задвинул ящик комода. Внутренняя Тошнота, ставшая его постоянным фоном, снова зашевелилась в груди, липкая и тяжелая. Он чувствовал себя абсолютно одиноким. В этом мире, выстроенном Проектировщиком, даже понятие семьи было отравлено рыночной логикой. Родственники Дмитрия — дядя, двоюродные братья, жившие в более престижном секторе у центра — практически оборвали с ним связь. В их кругу безусловная любовь считалась пережитком прошлого. Мозги людей были настолько прошиты лозунгами блогеров об «эффективности» и «достижениях», что человеческая ценность измерялась исключительно должностью и маркой автомобиля. Пока Дмитрий был молодым и перспективным, его приглашали на семейные обеды. Но стоило ему застрять на должности директора рядового магазина в нищем спальном районе и пересест на разваливающийся седан, как он стал для них невидимкой. Для них он был инфантильным неудачником, повторившим путь отца-алкоголика. Его зрелость, его мысли, его внутренняя боль никого не интересовали — уважение внутри семьи нужно было выкупать точно так же, как торговую лицензию. Если ты не принес материальный результат, который можно показать соседям, ты не заслуживаешь даже телефонного звонка.

К семи вечера Дмитрий вернулся в магазин. Торговый зал жил своей обычной предвыходной жизнью. Пятничная толпа, измотанная рабочей неделей, сметала с полок дешевые суррогаты. Очереди к кассам растянулись до середины зала.

Дмитрий стоял у бакалейного ряда, наблюдая за покупателями. В воздухе пахло сыростью, подгнившим луком и дешевым парфюмом со скидочных стоек. Вдоль полок медленно прохаживались мужчины и женщины, чьи глаза блестели странным, лихорадочным блеском. Система, понимая, что экономическое давление и вечная серость панелек могут разорвать общество изнутри, легализовала и вывела на максимум индустрию доступного, агрессивного разврата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.